

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НОВАЯ СЕРИЯ, ТОМ XIV

РОДОВОЕ ОБЩЕСТВО

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
И ИССЛЕДОВАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — 1951

С. М. АБРАМЗОН

ФОРМЫ РОДОПЛЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ У КОЧЕВНИКОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

ВВЕДЕНИЕ

Формы родоплеменной организации у тех из народов Средней Азии, которые в не столь отдаленном прошлом вели кочевой или полукочевой образ жизни, до сих пор еще не являлись предметом специального теоретического исследования. Разрозненные и во многих отношениях неполноценные источники, относящиеся к дооктябрьскому периоду, среди которых собственно этнографические материалы занимают сравнительно скромное место, оставались до последнего времени не обобщенными, не анализированными в свете марксистско-ленинской теории.

Литература, возникавшая в результате изысканий советских этнографов и других специалистов, соприкасавшихся с изучением социально-экономической структуры кочевых обществ, внесла много ценного и плодотворного в разрешение проблемы социального строя народов Средней Азии, введя в научный обиход свежие и по-новому освещенные факты. Основным достижением советской науки, опирающейся на прочно установленную систему взглядов, выработанную основоположниками марксизма-ленинизма, была принципиально новая постановка вопроса о классовом содержании общественных отношений и многих социальных институтов, внешне сходных с родовыми и сохранившихся у народов Средней Азии¹.

Однако рассмотрение этой проблемы либо ограничивалось преимущественно анализом отдельных проявлений родоплеменной структуры у некоторых народов Средней Азии, либо же страдало несколько односторонним подходом, в котором особенно акцентировались моменты классовой структуры и, к сожалению, в значительной мере оставалась в тени сущность самих патриархально-родовых явлений и форм родоплеменной организации. Причины такого положения следует признать вполне закономерными. Эта некоторая «односторонность» была вызвана неотложными по потребностям борьбы с контрреволюционным буржуазным национализмом, с правооппортунистическими «теориями», пытавшимися идеализировать

¹ В наиболее полном и развернутом виде эта новая постановка вопроса нашла свое отражение в работе С. П. Толстова «Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах» (в сб. «Основные проблемы генезиса и развития феодального общества». М — Л., 1934). См. перечень соответствующих трудов: С. П. Толстов. Советская школа в этнографии. «Советская этнография», 1947, № 4, стр. 14; Л. П. Потапов. Ранние формы феодальных отношений у кочевников. «Зап. Хакасского н.-и. ин-та языка, лит-ры и истории». Вып. 1. История, этнография, археология. Абакан. 1948, стр. 5.

патриархально-родовые пережитки и обосновать необходимость их сохранения, притупить или свести на-нет классовую борьбу, обострившуюся накануне коллективизации сельского хозяйства и продолжавшуюся в новых формах в период ликвидации кулачества и байства как класса в первые годы коллективизации.

И практические работники, и деятели науки, руководимые большевистской партией и товарищем Сталиным, весь огонь направляли против враждебных «теорий» и оппортунистической практики, требовавших или «капиталистического созревания» кочевых обществ, или «врастания» рода в социализм. В связи с этим главное (если не все) внимание, естественно, было отдано обоснованию и утверждению тезисов о наличии у кочевников классов, эксплуатации и классовой борьбы. Результатом этого политически правильного теоретического подхода было образование известного пробела в характеристике тех черт патриархального уклада, само существование которых не отрицалось, но которым часто отводилась роль «формы», а иногда и просто окостеневших раритетов, не играющих существенной роли в социальной жизни.

Придавая огромное значение классовому строению кочевых обществ Средней Азии, мы должны теперь уделить значительно больше внимания специфическим особенностям этих обществ, коренящимся в пережитках племенной и родовой структуры.

Следует сказать, что руководящие идеи, выдвинутые в трудах И. В. Сталина по национальному вопросу, как и ряд важнейших положений К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, в далеко не достаточной степени учитывались советскими историками, этнографами и экономистами, что приводило в ряде случаев к теоретической беспомощности и к самым крайним, противоположным точкам зрения. С одной стороны, имели место утверждения о господстве родового строя чуть ли не вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции у туркмен, казахов и других кочевых народов Средней Азии¹. Особенно рьяно эта точка зрения отстаивалась буржуазными националистами всех мастей. С другой стороны, выдвигался и обосновывался тезис о полном распаде патриархально-родовой организации и наличии вполне сложившихся капиталистических отношений у этих народов при некоторых пережитках умирающего феодализма. Наиболее отчетливое выражение эта точка зрения, игнорировавшая единственно правильное положение И. В. Сталина о патриархально-феодальном характере общественных отношений у кочевников Средней Азии, Кавказа и т. д.², нашла в книге П. Погорельского и В. Батракова³. Были взгляды, в известной степени примирявшие крайности и доказывавшие сосуществование патриархально-родовых и классовых отношений, но не дававшие достаточно отчетливого представления об особенностях и своеобразии родоплеменной организации у кочевников Средней Азии. Главной причиной неразработанности вопроса о

¹ Ср., например: Е. А. Полочанский. За новый аул-кстау. М., 1927. Подобные взгляды содержатся и в брошюре В. А. Соколовского «Казакский аул» (Ташкент, 1926), где он, в частности, пишет: «Родовые моменты продолжают играть решающую роль в хозяйственной и общественно-политической жизни казакского аула» (стр. 15).

² И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 25, 47.

³ П. Погорельский и В. Батраков. Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930. Нечеткая характеристика общественных отношений у туркмен содержится в статье М. А. Немченко «Аграрная реформа в Туркмении» («Новый Восток», 1927, № 19), где он, в частности, пишет: «В Туркмении происходило насильственное внедрение капитализма извне, врастание капитализма в родовую строй, в родовую организацию туркмен» (стр. 124).

родоплеменной организации кочевников и полукочевников Средней Азии следует признать то обстоятельство, что до самого последнего времени этнографы очень мало им занимались¹. Большинство этнографических работ последних десятилетий о кочевых и полuosедлых народах Средней Азии концентрировало свое внимание на общих описаниях быта, формальных сводках по родовой номенклатуре, проблемах этногенеза, материальной культуры, очень часто — на вопросах семейно-брачных отношений². В настоящее время советские этнографы имеют особенно благоприятные условия для того, чтобы приступить к изучению проблем родоплеменной структуры, в частности, к изучению родоплеменной структуры народов Средней Азии. Эта возможность предоставлена им опубликованием новых работ И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании», «К некоторым вопросам языкознания» и «Ответ товарищам».

Эти труды И. В. Сталина, являющиеся блестящим образцом творческого марксизма, искусного применения марксистской диалектики к сложнейшим общественным явлениям, имеют самое непосредственное отношение и к нашей теме. В них мы находим отчетливо сформулированную точку зрения на последовательные этапы развития этнической общности. Благодаря этим новым, по-сталински ясным определениям, мы получаем все необходимое для того, чтобы пересмотреть некоторые ставшие привычными взгляды, разобраться в отдельных запутанных явлениях родоплеменной организации.

Задачу настоящего исследования составляет рассмотрение основных типов патриархально-родовой и племенной организации у кочевых и полuosедлых народов Средней Азии. Хронологическими рамками работы являются конец XIX — начало XX века.

1

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ РОДОПЛЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ У КОЧЕВНИКОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Приступая к рассмотрению и характеристике некоторых черт родоплеменной организации у кочевых и полукочевых в прошлом народов Средней Азии, мы обязаны напомнить, что советские исследователи с разных точек зрения уже подходили к этим вопросам. В первую очередь должны быть названы С. П. Толстов, А. Н. Бернштам, П. И. Кушнер, Л. П. Потапов и некоторые другие. Наиболее близко, по нашему мнению, подошел к правильному решению вопроса А. Н. Бернштам³.

¹ Из работ на эту тему отметим статью С. П. Толстова «Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен» («Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10), книгу Т. А. Жданко «Очерки исторической этнографии каракалпачков» (М., 1950), статьи С. М. Абрамзона «К семантике киргизских этнонимов» («Советская этнография», 1946, № 3) и Н. Брюлловой-Шаскольской «Племенной и родовой состав туркмен» («Народное хозяйство Средней Азии», 1927, № 4).

² Л. П. Потапов. Материалы по семейно-родовому строю у узбеков Кунград («Научная мысль», 1930, № 1); Н. П. Дыренкова. Брак, термины родства и психические запреты у кыргызов. Сборник этнографических материалов. Л., 1928, № 2; Н. П. Брюллова-Шаскольская. Древние формы брака у туркмен («Изв. Средазкомстариса». Ташкент, 1928, вып. III) и др.

³ А. Н. Бернштам. Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии. «Советская этнография», 1934, № 6, стр. 86—115; Туркменский род и клановые. В сб. «Труды быт в колхозах», т. II, Колхозы советского Востока. Л., 1934, стр. 7—41.

Наши взгляды в некотором отношении являются продолжением и развитием уже высказанных точек зрения, в их основу положены классические труды И. В. Сталина, указавшего на патриархально-феодалные отношения как на основную особенность социального строя кочевых народов Средней Азии, Кавказа и т. д.

Следует прежде всего указать, что во многих работах на упомянутую тему, когда дело касается родоплеменной организации народов Средней Азии, мы встречаемся с тем, что авторы оперируют отвлеченной, абстрактной категорией — «род». Между тем путаница и противоречивость в употреблении этого термина, которые вынуждены признавать и этнографы, и даже такие исследователи, как Н. А. Аристов¹, очевидны и бросаются в глаза каждому, кто попытается разобраться в так называемых «родовых» делениях и связанных с ними генеалогических схемах. Неясность, неустойчивость, расплывчатость терминологии для самого понятия рода, племени, заставляют говорить о глубоко зашедшем процессе разложения патриархально-родовой организации. В самом деле, о каком же содержании понятия «род» можно говорить, если, например, в «поколении» Байулы (Младшего жуза) у казахов «родом» называется и подразделение байулинцев Адай, и подразделение адаев Жеменей, и более мелкие деления жеменейцев Бегымбет-кедей, Кара-кедей, Ахша-кедей и Шолах². Даже такой крупный историк, как М. П. Вяткин, располагающий богатейшим фактическим материалом, не раскрывает содержания понятия «род» у казахов и других народов Средней Азии. Правда, М. П. Вяткин признает, что «род не представлял единого целого и в хозяйственном и в политическом отношениях»³, но несколько ниже он говорит: «в казахскую общину в основных ее подразделениях — род, подрод, аул — входили лица, состоявшие или считавшиеся в состоянии кровного родства», что и «придавало этой общине патриархально-родовой характер»⁴. Эта противоречивость в суждениях крупного историка казахского общества не случайна, ибо он исходит из отстоявшихся в этнографической науке взглядов, а эти взгляды по сути дела антиисторичны. Антиисторичность в подходе к решению вопроса о родовой организации народов Средней Азии заключается в отрыве рассматриваемого явления от конкретной истории данного народа, от классовой его структуры. Это находит свое выражение в поисках и конструировании абстрактных и надуманных родовых структур, за которыми не скрывается почти никакого определенного социально-экономического содержания, а если оно и возникает, то как явление позднейшее, вторичного порядка. Этому порочному методу отдал дань и автор настоящей работы.

Наличие тенденции к архаизации является, повидимому, следствием и того обстоятельства, что некоторые из современных этнографов некритически восприняли те эволюционные схемы, которые господствовали в сознании нескольких поколений исследователей и обязаны своим возникновением значительному влиянию буржуазных взглядов в этнографии.

¹ Н. А. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. «Живая старина», 1894, вып. III/IV, стр. 394—397. Ср. сборник статей «Казаки». Материалы Комиссии экспедиционных исследований, вып. 15. Л., 1930, стр. 306—310 (Серия Казахская).

² «Казаки». Антропологические очерки. «Материалы Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик», вып. 3. Л., 1927, стр. 60—61 сл. (Серия Казахская).

³ М. П. Вяткин. Батыр Срым. М.—Л., 1947, стр. 103.

⁴ Там же.

То, что обычно формулируется как «род» у кочевников Средней Азии, является, на наш взгляд, искусственной конструкцией, созданной либо лицами, описывавшими социальный строй этих народов, либо информаторами — в виде генеалогической схемы, отражавшей в большинстве случаев их классовую идеологию. Даже такой последовательный сторонник «родовой» теории, как Н. И. Гродеков, и тот признавал классовый характер информации, касающейся родовой структуры. Он писал: «Носители родовой идеи суть богачи и старейшины (аксакалы). Бедные не знают, кроме названий своих прямых предков и своего рода и колена, ничего об отдаленных разветвлениях родства»¹. Именно предвзятая информация, исходившая из легендарных родословных и часто конструировавшая «род» из произвольно взятой части генеалогии данной группы, и послужила источником появления представления о «роде» как звене еще более громоздкой генеалогической схемы. Это представление о роде и господствовало до последнего времени в этнографической литературе о Средней Азии. Необходимо также учитывать и то обстоятельство, что упорочение в качестве категории «рода» некоторого территориального единства, в которое включались «колена», «отделения» и т. д., связанные легендарными генеалогиями, было вызвано в период после присоединения Туркестана к России определенными потребностями административного устройства и чисто фискальными соображениями.

Таким образом, этнографы оказались причастными к тому, что разработка проблемы родоплеменной организации была фактически подменена совершенно безнадежными попытками реконструкции родоплеменной структуры на основании полулегендарных и оторванных от реальной жизни генеалогических схем. Было бы ошибочно, однако, считать, что генеалогические схемы и предания вообще не имеют никакой ценности. В известной своей части они, несомненно, отражают (хотя иногда и в искаженном виде) реальные события. Содержащиеся в них данные могут пролить свет как на некоторые процессы этногенеза данного народа, так и на пути расселения его предков. Наконец, материалы по этнонимике, которыми насыщены генеалогические предания, представляют собой важный источник для раскрытия отдельных явлений социальной истории и идеологии народа. Вместе с тем пользование подобными данными требует сугубой осторожности.

Ключом к правильному пониманию соотношения генеалогий и действительного содержания понятия «род» являются для нас прежде всего замечания К. Маркса, содержащиеся в его конспекте «Древнего общества» Л. Моргана. Он пишет: «...связь поколений, особенно с возникновением моногамии, отодвигается в глубь времен и минувшая действительность находит свое отражение в фантастических образах мифологии...»². «Родовое имя создавало родословную, рядом с которой родословная семьи представлялась лишней значения»³. Наконец, «самое имя [родовое.— С. А.] было доказательством общего происхождения... Его члены [рода.— С. А.] не могли уже доказать действительно существовавшего между ними родства...»⁴.

Как мы увидим ниже, замечания К. Маркса целиком подтверждаются нашими материалами. Прежде чем перейти к их изложению, мы считаем необходимым в подтверждение наших взглядов привести также одно из

¹ Н. И. Гродеков. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Юридический быт. Ташкент, 1889, стр. 12.

² Архив Маркса и Энгельса, т. IX, стр. 139.

³ Там же, стр. 138.

⁴ Там же.

краеугольных положений исторического материализма, с предельной ясностью раскрытых И. В. Сталиным: «Каков способ производства у общества,— таково в основном и само общество, таковы его идеи и теории, политические взгляды и учреждения.

Или, говоря грубее: каков образ жизни людей,— таков образ их мыслей»¹.

Образ жизни кочевников в прошлом, вынужденных пребывать в постоянном, за редкими исключениями, напряжении, в условиях необходимости охранять свое имущество от покушений со стороны враждебных (хотя иногда и родственных) племен и соседних государств, и в то же время организовывавших военно-кочевые группировки для захвата чужих территорий и богатств,— этот образ жизни приводил к естественным и необходимым общественно-политическим союзам, к объединениям различного количественного, племенного и родового состава.

Этот же образ жизни, связывавший кочевников в коллективы, объединяемые известными общими целями (в том числе и по некоторым условиям производства, например, совместный выпас скота и пользование общими пастбищами), порождал определенные генеалогические предания и легенды, идеальные родословные схемы, призванные обосновать существование данного союза, связь между его частями, иногда весьма далекими по своему происхождению. Существование сходных по своему характеру кочевых союзов, вступавших в непрерывные связи друг с другом, приводило к разрастанию родословных схем и к их взаимной увязке, к «пригонке» отдельных преданий к общей схеме, к созданию всеобъемлющих генеалогий для целых групп в той или иной мере родственных племен. Возникшие таким образом «идеи и теории» непосредственно отражали определенный способ производства и образ жизни, однотипный для кочевых племен и основанный на экстенсивном кочевом скотоводстве, на частых столкновениях племен и «родов», на постоянно рождавшихся на этой почве объединениях. Носителями и хранителями этой идеологии кочевого общества были прежде всего господствовавшие классы, племенная знать, «родовая» верхушка.

Говоря о кочевых и полукочевых обществах Средней Азии, уместно вспомнить слова Энгельса, сказанные им при характеристике ирокезского рода: «Как мало до сих пор понимали сущность рода, показывают прежние сообщения о дикарях и варварах, где различные объединения, из которых образуется родовой строй, без понимания и без разбора смешивают в одну кучу под названиями: племя, клан, тум и пр.»².

Близкую к этой картину можно, к сожалению, наблюдать и в литературе по этнографии Средней Азии. Ученые прежних поколений (а нередко и современные), писавшие, например, о казахах, изображали дело приблизительно таким образом: имеется три жуза (или «орды»), каждый из них делится на племена, или поколения, далее следуют в нисходящем порядке: род, подрод, или отделение (иногда еще колено), подотделение, наконец, аул. Обычно не указывалось, какие термины у самих казахов соответствуют этим подразделениям и существуют ли они вообще. В большинстве случаев не приводилось никаких доводов, почему принята данная терминология и почему именно этот, а не другой термин употреблен исследователем в данном случае. К одной и той же единице разные авторы применяли иногда различные термины.

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 116.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1948, стр. 98.

Казахи и киргизы представляли себе свой «род», вернее родословную, как цепочку предков по мужской линии («ата»), начиная от близких («берки ата») и кончая отдаленными («аркы ата») во главе с родоначальником («түп ата»). Близкие предки и, может быть, некоторая часть отдаленных предков во многих случаях являлись действительными предками, остальные же должны быть признаны легендарными. Киргизы и казахи часто объявляли своими предками остатки или, что чаще, наименования древних племен или племенных союзов (Кыпчак, Найман, Канглы и др.), представляя их, как отдельные личности. Иногда даже устанавливалась цепь предков еще дальше, вплоть до мифического Казаха. В связи с этим уместно отметить, что далеко не во всех случаях так называемое родовое имя, создавшее родословную, являлось именем прямого предка, но, как показывают факты относительно недалекого прошлого, это «родовое» имя мог дать целому объединению тот или иной предводитель, феодал, в зависимости от которого находилось известное количество скотоводов. На это определенным образом указывает Г. С. Загряжский. Касаясь социального строя киргизов, он пишет: «Принадлежность киргиз к тому или иному роду не есть постоянная, неизменная. Стоит кому-нибудь из них перекочевать, например, из земель Сарыбагышей к Султам, — он уже не называется Сарыбагышем, а становится Султом; перейдет к Саякам — станет Саяк. Здесь разумеются добровольные перекочевки, а не случаи плена или рабства, когда киргизы сохраняют имена прежних родов. Но это можно сказать только о простом народе, о бухаре. Разделение же на роды сохраняют манапы и строго его держатся. Появление нового отдела зависит от появления нового батыря; около него собирается дружина удальцов, его именем прикроются несколько бедняков и называют себя его детьми; отсюда происходят названия: дети Каная, Карабека, Карбуза, Сарыбагыша и т. д. Отец передает сыну свой народ, который он успеет связать с собою привычкой, грабежом, общими счетами по баранте, и вот появляется новый род: Канай, Карбуз и т. д. Появление многих новых родов очень недавнее — одно-два поколения; даже теперь формируются новые роды. Так, отделение Канай распадается на три: Байтыковы дети, Башкаевы и Байсеитовы дети. Кочевки башкаев и байсеитов отошли на Талас, и потому два последние отделения часто носят общее название Башкай-Байсеит. Манапы, по имени которых начинают теперь различаться некоторые новые каракиргизские отделения, все живы и все родные дети Каная. Киргизы, кочующие с Башкаем, называют себя башкаевцами, кочующие с Байтыком — байтыковцами. ...Байтык-баласы, Корчи-баласы не означает, что речь идет о детях Байтыка или Корчи, а имеет смысл собирательный: надо подразумевать всех киргизов, кочующих с Байтыком, Корчи, Джантаем и пр.»¹.

То же самое убедительно показал в отношении киргизов А. Соколов². Последний отмечает, что именем известного манапа Джангарача называла себя и вся «букара», жившая вместе с подлинными потомками Эшкочо и его сына Джангарача. Эти потомки составляли всего 19 хозяйств, но джангарачами называли себя 132 хозяйства, причем «родовой» состав этой «букары» был самый пестрый. Такое причисление себя к «роду» известного предводителя было в прошлом распространенным явлением. Не только крупные «роды», но и более мелкие подразделения представляли собой

¹ Г. С. Загряжский. Очерки Токмакского уезда. «Туркестанские ведомости», 1873, № 9, 10.

² А. Соколов. О кара-киргизах. «Семиреченские областные ведомости» (часть неофициальная), 1910, № 55, 56, 58.

довольно часто конгломерат частей различных родовых союзов, объединившихся вокруг того или иного предводителя, имя которого превращалось в «родовое» имя всей группы.

Столь широко представлявшийся киргизами и казахами «род» имел для них самих более или менее жизненное значение далеко не в полном объеме, а лишь в ограниченных пределах известного числа ближайших предков. По мере роста населения и нарождения в связи с этим новых звеньев в родственной цепи, более отдаленные звенья отмирали, теряя какое-либо реальное значение, а иногда и вовсе забывались. Таким образом «род» разрастался, и одновременно происходило постоянное перемещение пределов «живой» его части, если иметь в виду прежде всего отношения родства. Отмирание звеньев «рода» совершалось не сразу, одни проявления общности (например, уплата выкупа за кровь — «куна», участие в поминках, взаимопомощь и тому подобные атрибуты категории «рода») отмирали ранее, другие — позже.

Из сказанного следует, что нужно было ясно различать «живую» часть родовой организации от «мертвой» и постоянно помнить, что «род» в понимании казахов и киргизов не был чем-то постоянным и неподвижным, укладывавшимся в раз навсегда придуманную схему терминов, что если отпадали «высшие» звенья родовой организации, то одновременно происходило нарастание новых звеньев. Часто выяснялось, что браки запрещаются в пределах такого-то «подрода», а раньше запрещались в пределах такого-то «рода». В чем тут дело? Это объясняется тем, что единица, которую какой-либо ученый назвал в свое время «родом», успела утратить свое прежнее социальное значение, которое перешло ныне уже к следующей единице, которую тот же ученый когда-то назвал «подродом». К затронутому здесь вопросу об экзогамии мы вернемся позднее. Наиболее близко эту систему построения родовой структуры отражал термин «ата» (отец, предок). Единственно с помощью этого термина казахи и киргизы обозначали все те звенья родовой системы, для которых мы привыкли пользоваться искусственно притянутыми и сбивчивыми терминами «подрод», «отделение», «подотделение», «колено» и т. п. Простота и удобство термина «ата» заключалось в том, что, пользуясь им, кочевники отмечали последовательность звеньев родовой цепочки, обозначая их передвижными номерами, причем счет велся от ближних предков к дальним. Когда нарождалось новое звено, т. е. возникала новая молодая «родовая» единица, все восходящие номера при «ата» увеличивались на единицу; не приходилось заменять термин «подрод» термином «отделение» и т. п. Система счета по «ата» не ограничивалась пределами «живой» части «рода», а проводилась и дальше, из чего следует, что казахи и киргизы все же не устанавливали резкой грани между двумя частями «рода» — «живой» и «исторической».

При таком положении дела трудно согласовать представление о «роде» у казахов и киргизов с тем содержанием, которое вкладывают в понятие рода специалисты-этнографы. Это противоречие проистекает из того, что мы оказываемся перед своеобразной системой «генеалогического» рода.

Именовав вышеуказанным образом разные подразделения «генеалогического» рода в соединении с соответствующими номерами, казахи и киргизы обозначали кроме того понятие «род» еще несколькими терминами, имевшими притом и другие значения. Так, известны термины «ру», или «уруу», «урук», «эль», «сёёк», «топ», «түп» и др. Большая часть этих терминов носила крайне расплывчатый характер и не может служить для нас критерием при определении «живой» части рода.

Чтобы закончить эту часть работы, приведу лишь одну характерную иллюстрацию. В колхозе «Орто-кууганды» (Джумгалский район, Тяньшаньской обл.) Качканак Боркоков, 70-летний старик, рассказал нам, что он принадлежит к группе Чапкынчы. Эта группа делится на пять подразделений, по именам сыновей предка: Кочкор-уулу, Күчүк-уулу, Араке-уулу, Кудаке-уулу и Чүлдөкө-уулу. Качканак относил себя к Араке-уулу, причем Араке являлся для него прапрадедом. Другой информатор, более молодой, Касымалы Токтомамбетов, принадлежащий к той же группе, вел себя уже не от Кудаке — брата Араке, а от сына Кудаке Ырыскула, и свою родственную группу назвал «Ырыскул-балдары» («дети Ырыскула»). Таким образом, уже в пределах сравнительно небольшой группы Чапкынчы мы видим передвижку счета поколений.

Из этого следует тот логический вывод, что и вся родоплеменная структура находилась в состоянии непрерывного движения и изменения, что и создает огромные трудности при попытках «уловить» границы различных родовых группировок.

К сказанному о легендарной, «мертвой» части генеалогических схем остается добавить, что вскрытый С. П. Толстовым у туркмен и оказавшийся присущим и другим кочевым обществам Средней Азии дуальный характер генеалогической структуры, отражавший древнейшую стадию развития общества, подчинил себе и легендарную часть родословных стволов. Это также подчеркивает фантастичность «высших» звеньев родоплеменной структуры.

Нам кажется, что в связи с рассмотрением вопроса о формах родоплеменной организации следует подвергнуть пересмотру установившуюся точку зрения на «экзогамию» как на важный признак существования этой организации у ряда кочевников Средней Азии. Наличие внешне сходных с подлинной экзогамией явлений способствовало укреплению того взгляда, что действительно существовал в недалеком прошлом какой-то коллектив, который был экзогамен и, следовательно, мог быть назван родом. По нашему мнению, у кочевых и полукочевых в прошлом народов Средней Азии никакого реального рода за «экзогамией» не скрывалось. По крайней мере материалы казахской и киргизской этнографии говорят о том, что эта «экзогамия» не носила характера родовой экзогамии, а скорее может быть названа (если применять неточный в данном случае термин «экзогамия») «поколенной» экзогамией; она была очень близка по характеру к встречающейся у некоторых племен в Индии и построенной по тому же типу системе регулирования брачных отношений, называемой «сапинда» (на последнее нам любезно указал Д. А. Ольдерогге). Этот тип «экзогамии» в каждом отдельном случае связан с тем или иным генеалогическим преданием, пель которого — обоснован запрет на вступление в брак потомков одного предка по мужской линии в определенном поколении. Поскольку, как мы знаем, в Средней Азии род уже давно не существовал как определенное единство, постольку там не могла существовать и родовая экзогамия. Имеются все основания считать, что «экзогамия» у казахов и киргизов являлась социальной нормой, выработанной в условиях развития патриархальной семьи и имевшей целью естественное регулирование брачных отношений. Эти нормы превратились в нормы моральные, этические, в сами собой разумеющиеся брачные запреты. Важно подчеркнуть то обстоятельство, что эти брачные запреты имели явно выраженную тенденцию к непрерывному сокращению числа поколений, которое должно пройти для того, чтобы брак стал возможен.

Неговоря уже о том, что у якутов и у бурят, например, действовал

принцип «девятиколенной» экзогамии¹, а у киргизов «семиколенной», мы знаем, что в пределах даже одного общества, в зависимости от уровня социально-экономического развития отдельных его частей, степень действия этого принципа была различна. У тех же киргизов, на Тянь-шане, например, фактически браки совершались иногда между потомками в шестом и даже в пятом поколении, в Чуйской долине часто встречались браки не только в пятом, но и в четвертом поколении, а в некоторых районах южной Киргизии, где был более высок уровень экономического развития и где к тому же больше сказывалось в прошлом влияние ислама, мы встречались иногда с полной утратой ранее существовавших брачных запретов и приспособлением их к нормам шариата. Сильная ослабленность, а чаще полное отсутствие «экзогамии» у туркменов, у которых, как правильно это раскрыл С. П. Толстов, брачные запреты носили главным образом строго индивидуальный характер и касались определенных категорий родственников², служит еще более ярким показателем глубокого распада рода, поскольку у туркменов не сохранялся даже принцип «поколенной» экзогамии, не говоря уже о родовой. У них даже наблюдалась своеобразная «родовая» эндогамия, как это установила Г. П. Васильева.

Из сказанного не следует, что у названных народов не сохранялось никаких следов подлинной экзогамии. Они выражались хотя бы в бесспорно существовавшей у киргизов практике предпочтительных браков с дочерью брата матери, с сестрой матери, а также, в более редких случаях, и с дочерью сестры отца, в обычае «возвращения домой» («кайтарма») у туркменов³ и т. д.

Что же представляла собой родоплеменная организация у кочевников Средней Азии в XIX— начале XX века?

Ответ на этот вопрос не может быть одинаков не только для всех в прошлом кочевых или полукочевых народов Средней Азии, но не может быть общим и для одного народа, поскольку развитие этих обществ в различных районах их расселения было неравномерным и обуславливалось многими социально-экономическими и политическими факторами. На территории, освоенной казахами, туркменами, киргизами и каракалпаками, мы встречаем в прошлом множество различных форм общественной организации, начиная от чисто кочевых общин, носящих еще внешние признаки родовых, хотя их классовая природа более чем очевидна (таковы некоторые группы Младшего жуза казахов), и кончая уже типичными соседскими общинами земледельцев (группы казахов в долине Сыр-Дарьи, киргизов в Ферганской долине и т. п.). Между этими крайними формами существовало множество переходных. Достаточно, например, познакомиться с «Материалами» Переселенческого управления, касающимися различных областей Казахстана и Киргизии, чтобы увидеть крайнюю пестроту, множество вариаций и градаций форм родоплеменной структуры, сведения которых к определенным закономерным рядам потребовало бы специального и очень большого времени.

В отношении казахов и киргизов можно сказать следующее. Показания источников, относящихся к последним столетиям, свидетельствуют о сильном разрушении родоплеменной структуры, о сохранении главным образом лишь явлений надстроечного порядка. Мы можем весьма условно

¹ В. Л. Серошевский. Якуты. СПб., 1896, стр. 434; М. Хангалов. Юридические обычаи у бурят. «Этнографическое обозрение», 1894, № 2, стр. 141.

² С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен, стр. 40.

³ См. об этом обычае: М. О. Косвен. Обычай возвращения домой (из истории брака). «Краткие сообщения Института этнографии», вып. 1, 1946, стр. 30, 31.

говорить об остатках племенных группировок — племен и их конфедераций. Устойчивых признаков для этих общностей нет, и если эти общности выступали в истории под определенными именами и на определенной территории, то для нас нет никаких сомнений в том, что это были политические группировки, возглавляемые ханами, султанами, биями, мананами и связанной с ними вассальными отношениями феодальной верхушкой и лишь маскируемые оболочкой генеалогического родства (хотя с этой оболочкой и с этим родством была спаяна целая система патриархально-родовых отношений). Такими же социально-политическими объединениями были и более дробные составные части этих крупных группировок, выступавшие в форме определенных звеньев многоступенчатой генеалогической лестницы.

Несмотря на ошибочность ряда положений, выдвинутых Н. А. Аристовым в его трудах¹, нельзя не признать того, что он очень близко подошел к правильному пониманию существа родоплеменной структуры у казахов и киргизов. Развивая точку зрения Аристова, а также Загряжского, А. Соколов (в упомянутой статье «О кара-киргизах») высказал некоторые ценные общие соображения о путях образования различных звеньев родоплеменной структуры. Он писал, что исторически современные родовые группировки являются не кровнородственными союзами, а сообществами, возникшими на основе общих хозяйственных (мы добавим, и политических) интересов. Они, по его словам, образовались «в героические времена» из общественно-политических групп, в которых ядро состояло из нескольких родственных семей, во главе с умным и талантливым руководителем, около которого и концентрировался более или менее значительный круг подчинившихся ему других разнородных групп, объединенных общим стремлением к взаимной защите. «Когда пропадала эта спайка, — указывает А. Соколов, — род распадался на части и вступал в союз или сливался с другими общественно-политическими организациями»². Иное положение мы могли наблюдать в туркменском обществе. В нем племенной строй сохранялся в XIX столетии во вполне отчетливых формах, что было обусловлено специфическими историческими условиями, в которых развивалось туркменское общество. Этнически и политически туркмены могли сохранить себя только с помощью хорошо слаженной военной организации, для которой племенная структура явилась наиболее приспособленной формой. Промежуточное положение между туркменским обществом, с одной стороны, и казахским и киргизским обществами, с другой, занимало каракалпакское общество, стоявшее тем не менее по своим экономическим особенностям (преобладание оседлого земледельческого быта) ближе к большинству туркменских племен. Однако и у туркмен, и у каракалпачков мы находим те же черты, которые были характерны для родоплеменной организации казахов и киргизов: генеалогическую связь племен и племенных подразделений, ярко выраженный политический характер племенных группировок, крайне пестрый родовой и этнический состав некоторых племен и т. п.

Выяснив в общих чертах характер родоплеменной структуры кочевых и полукочевых народов Средней Азии на рубеже XIX и XX вв. (к рассмотрению этого вопроса нам придется еще вернуться ниже), мы должны остановиться на тех явлениях, которые, сохраняясь в той

¹ Н. А. Аристов. Указ. работа; его же, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. «Живая старина», 1896, вып. III/IV.

² Надо заметить, что руководителями этих объединений были обычно представители господствующего класса, а группировки вокруг них вызывались не столько их личными качествами, сколько общественно-экономическими причинами. — *Ред.*

или иной степени в условиях патриархально-феодалных отношений, восходят к глубокой древности. Открытые С. П. Толстовым следы дуальной организации у туркменов, в основе которой лежала двухфратриальная структура племени, были позднее обнаружены и у киргизов¹, и у каракалпаков, и у казахов². В связи с пережитками этой дуальной организации стоит и другое явление, отмеченное Т. А. Жданко у каракалпаков, а именно, определенные отношения под названием «куда», устанавливавшиеся между двумя брачущимися группами и имевшие аналогию у монголов. К этому необходимо присовокупить открытые Г. И. Карповым у туркменов пережитки аналогичных отношений, которые прямо указывают на двухфратриальную структуру племени как на первичную форму экзогамии. Все члены племени гоклен у туркменов называли всех членов соседнего племени йомут без различия возраста «даи», т. е. братья по матери, а все йомуты называли всех гокленов «еген», т. е. племянники по материнской линии. Это связывалось с тем, что гоклены в прошлом брали себе жен именно у йомутов. При этом родственники по матери — йомуты считались старшими, а берущие жен гоклены — младшими. Мало того, в Тедженском районе Туркмении подразделение племени теке, под названием Серге, являлось даи, т. е. дядьями, по отношению к подразделению Аманша того же племени.

Мы можем отметить эти пережитки как довольно обычные и среди киргизов. Напомним, что две крупные группировки у киргизов носили название Тагай (т. е. также дядя по матери) и Адигене. И между более мелкими (довольно часто родственными по составу) группами у киргизов существовали такие же отношения дядьев и племянников. Так, группа потомков Байкозу (подразделение «рода» Боркемик) называла всех членов «рода» Ойдоэкти «тай-аке», т. е. дядя по матери, так как первая жена самого Байкозу (она является «матерью» для всех байкозунцев) была взята из ойдоэктинцев. И в дальнейшем байкозунцы чаще всего девушек брали из ойдоэктинцев.

Здесь же мы должны коснуться вопроса о том типе отношений у киргизов, выступавших в форме опять-таки брачных связей, которые носят название «куда-сөөк» или «сөөк-тамыр». После работ В. В. Радлова (особенно его «Aus Sibirien») и Н. А. Аристова укрепились мнение, что у киргизов, как и у южных алтайцев, существуют действительно кровнородственные группы под названием «сөөк». Вполне вероятно, что когда-то такие группы и существовали. В последнее же время, как это правильно было отмечено Ф. А. Фиельструпом³, этим термином «сөөк» обозначались отношения по свойству, т. е. те же отношения, что и «куда» у каракалпаков. Семейно-родственная группа, из которой была взята моя мать или моя жена, была бы для меня и моих родственников сөөком. В том случае, когда умирала моя жена, или жена брата, или нужно было женить сына, желательно было брать новую жену или невесту для сына из того же сөөка, откуда происходила мать, жена и т. д., т. е. необходимо было «обновить» сөөк («сөөк жангыртуу керек»).

Если моя жена умерла, то сөөк, из которого она была взята, становился для меня старым сөөком («эски сөөк»), а тот сөөк, из которого взята новая жена (если даже она из старого сөөка), становился для меня новым сөөком («жангы сөөк»). Покойника обмывали не его родственники, а свойственники из нового сөөка (не повсеместно). Таким образом, для

¹ С. М. Абрамзон. Указ. работа, стр. 125, 126.

² Т. А. Жданко. Указ. работа, стр. 92, 93.

³ Ф. А. Фиельструп. Исследования среди каракиргиз. В сб. «Этнографические экспедиции 1924—1925 гг.» Л., 1926, стр. 49.

меня союгом была та группа людей, из которой была взята моя мать (или жена). В свою очередь моя группа была союгом для той группы, куда была выдана замуж любая моя родственница, и т. д. Эта система отношений представляла собой то же самое, о чем мы говорили выше, касаясь племен дядьев и племен племянников.

Мы можем из сказанного сделать тот вывод, что пережитки двухфратриальной системы браков прослеживались у всех кочевников Средней Азии.

Ко всему изложенному следует добавить, что и у киргизов, и у казахов, и у каракалпаков, и у туркмен в генеалогических преданиях получили отражение следы счета родства по материнской линии, а некоторые группы киргизов еще недавно, называя свою родовую принадлежность, указывали имя своего предка-женщины (Куручпек — у саяков, Мамаш — у солтинцев).

С. П. Толстову мы обязаны открытием у туркмен древнейшей формы военной организации, связанной с существованием возрастных классов. У туркмен существовали группы молодежи «ак-ойлу», обязанностью которых была охрана границ племени¹. Из материалов В. Л. Вяткина о каршинских узбеках видно, что весьма близкая по характеру повинность «ак-уйли» существовала и у узбеков². Киргизский эпос «Манас» также содержит некоторые указания на существование отрядов из молодежи, охранявших границы кочевий³.

Все это вместе взятое, не говоря уже о многочисленных древних элементах в свадебном и других обрядах, свидетельствует о мощном пласте доклассовых, вернее допатриархальных институтов, которые сохранялись у кочевых народов Средней Азии с исключительной стойкостью, несмотря на многовековое господство патриархально-феодалных отношений. Объяснить это можно только тем, что эти общества пережили такой бурный процесс перехода от доклассового к классовому обществу, при котором материнская родовая организация претерпевала свой постепенный распад уже в условиях быстро складывавшихся и затем укрепившихся классовых отношений. Возможность такого перехода от материнского строя к классовому, минуя промежуточные этапы, была широко аргументирована С. П. Толстовым⁴.

II

К ВОПРОСУ О «ФОРМЕ И СОДЕРЖАНИИ»

В советской науке справедливо признаны глубоко ошибочными взгляды, согласно которым развитие классовых отношений в кочевых обществах с родоплеменным строем привело якобы к исчезновению многих явлений, коренящихся в ранних формах патриархально-родового строя. В действительности в классовом обществе в течение целых тысячелетий сохранялся широкий комплекс как этих явлений, так и других, уходящих еще глубже в первобытность. Правильная оценка места, удельного веса

¹ С. П. Толстов. К истории древнетюркской социальной терминологии. «Вестник древней истории», 1938, № 1, стр. 73—76.

² В. Л. Вяткин. Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов. «Изв. Средне-Азиатского отдела Гос. рус. географ. об-ва», 1928, т. XVIII, стр. 24, 25.

³ См., например: С. М. Абрамзон. Этнографические сюжеты в киргизском эпосе «Манас». «Советская этнография», 1947, № 2, стр. 146, 147.

⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. Экскурс III. Путь корибантов. Разд. II. Скверна Муканны. М., изд-во МГУ, 1948, стр. 320—338.

и значения этих явлений имеет чрезвычайно существенное значение не только для анализа общественного строя кочевых и полукочевых в прошлом народов Средней Азии, существовавшего у них накануне Великой Октябрьской социалистической революции, но и для понимания некоторых явлений современной советской действительности в республиках Средней Азии. Исходным положением для нас при оценке названных выше явлений должно быть ленинское указание о многоукладности общественно-экономического строя нашей страны, сохранявшейся еще в первые годы после Великой Октябрьской революции. В своей работе «О „левом“ ребячестве и о мелкобуржуазности» В. И. Ленин писал в 1918 г.:

«...каковы же именно элементы различных общественно-экономических укладов, имеющиеся налицо в России...

Перечислим эти элементы:

- 1) патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство;
- 2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб);
- 3) частнохозяйственный капитализм;
- 4) государственный капитализм;
- 5) социализм.

Россия так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней¹.

Эту же мысль В. И. Ленин развивает в своей знаменитой брошюре «О продовольственном налоге», опубликованной в 1921 г.:

«Оспорить то, что налицо имеются все эти пять ступеней (или составных частей) всех этих пяти укладов, от патриархального, то есть полудикого до социалистического, никому не удастся. Что в мелко-крестьянской стране² преобладает „уклад“ мелкокрестьянский, то есть частью патриархальный, частью мелкобуржуазный, это само собой очевидно»³.

И несколько ниже:

«Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства... И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость»³.

Эти ленинские положения были в 1920 и 1921 гг. блестяще применены И. В. Сталиным при характеристике общественного строя народов, населяющих восточные окраины нашей страны. В своих широко известных тезисах к X съезду РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» и в докладе на эту тему на съезде товарищ Сталин подчеркивает особый характер социального строя народов Кавказа, Туркестана и Поволжья, устанавливая наличие у них «первобытных форм полупатриархального-полуфеодального быта», пережитков «патриархально-феодальных отношений», «самых отсталых патриархально-феодальных отношений»⁴.

В свете этих совершенно ясных оценок вызывают известное сомнение попытки механистического раскрытия соотношения понятий «патриархальный» и «феодальный» в сталинской формулировке: «патриархально-феодальные отношения». Широко интерпретируя положение о «форме и содержании», отдельные исследователи рассуждают примерно так.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 303.

² Там же, т. 32, стр. 322, 323.

³ Там же, стр. 328.

⁴ И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 25, 47.

Поскольку доказано в отношении казахов, туркменов, киргизов и других в прошлом кочевых народов существование у них в течение многих веков феодальных отношений, можно считать снятым вопрос о господстве у них (для этого периода) патриархально-родовых отношений. Следовательно, примененное И. В. Сталиным понятие «патриархальный» не может означать ничего иного, как существование у этих народов лишь некоторых пережитков патриархально-родовых отношений, находящихся свое проявление преимущественно в сохранении формы (формы быта, родоплеменной организации, обычаев, прикрывающих отдельные виды эксплуатации, и т. п.). Принято также считать, что эта «форма», или патриархально-родовая «оболочка», несет в себе содержание, ничем почти не напоминающее патриархально-родовых отношений и представляющее собою уже вполне сложившуюся систему феодальных отношений. Трудно согласиться с такой постановкой вопроса, представляющей собою слишком упрощенный подход к сложному явлению, каким является общественный строй кочевых народов Средней Азии в прошлом.

Советскими историками и этнографами, как мы выше указывали, доказано, что этот общественный строй носил классовый характер. Несомненно, господствующие классы в этих обществах использовали патриархально-родовые формы быта как орудие воздействия на массы, как удобную форму, прикрывающую феодальные способы эксплуатации. Так же несомненно, что господствующая верхушка прикрывала отдельными патриархально-родовыми институтами уже созревшие новые типы общественных отношений, поставленные на службу ее интересам.

Наиболее близкую к реальной действительности картину своеобразия социально-экономических явлений, лежащих в основе формулированных И. В. Сталиным патриархально-феодальных отношений, вскрывает в ряде своих работ Л. П. Потапов. Но и в этих весьма ценных работах, правильно оттеняющих переплетение феодальных отношений с отношениями дофеодальными, с патриархально-родовыми отношениями и их пережитками, неоднократно указывается на то, что различные виды феодальных отношений выступали нередко в родовой форме, были окутаны «в оболочку родовых отношений», «были облачены в родовой костюм» и т. п.¹

Мы не находим возможным стать на ту точку зрения, что феодальное содержание вполне соответствовала приспособленная к нему правящей верхушкой патриархально-родовая форма общественного быта. И здесь на помощь нам приходит мудрое теоретическое положение, выдвинутое И. В. Сталиным:

«Что содержание немислимо без формы, — это правильно. Но правильно также и то, что **существующая форма** никогда полностью не соответствует **существующему содержанию**: первая отстаёт от второго, новое содержание в известной мере всегда обложено в старую форму, вследствие чего между старой формой и новым содержанием всегда существует конфликт»².

Это несоответствие формы и содержания (при анализе патриархально-феодальных отношений) заключается именно в том, что относительно «новые» по своему характеру феодальные отношения не могли целиком приспособить к себе «старую» форму патриархально-родового быта, и между этой старой формой и новыми феодальными порядками всегда был налицо конфликт. Сущность этого конфликта заключалась в том, что

¹ Л. П. П о т а п о в. К вопросу о патриархально-феодальных отношениях у кочевников («Краткие сообщения Института этнографии», вып. III, 1947, стр. 68, 69; Ранние формы феодальных отношений у кочевников, стр. 28, 29; Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948, стр. 124, 333.

² И. В. С т а л и н. Соч., т. 1, стр. 328, 329.

старая форма племенного строя и патриархальных родовых отношений не могла существовать сама по себе, лишь в качестве «оболочки» или «костюма» для принципиально иных экономических отношений. Как бы глубоко ни зашел процесс классовой дифференциации у кочевников, он не мог уничтожить, стереть и выветрить многие глубоко коренящиеся, архаические по своей природе порядки, сопутствовавшие племенному строю. Отсюда следует, что старой форме должны были соответствовать и некоторые, пусть лишь частично сохранившиеся или же продолжавшие существовать в сильно измененном виде, но отношения, все же порожденные на заре патриархально-родового строя (а иногда и ранее). Иначе говоря, понятие «патриархально-феодальные отношения» включает в себя не только господствовавшие раннефеодальные или феодальные отношения, вынужденные облечься в старую, законсервированную патриархальную форму, но и собственно патриархально-родовые отношения, занимавшие хотя и подчиненное, но свое определенное место в системе патриархально-феодальных отношений.

Нельзя недооценивать значения конфликта между этими реально существовавшими остатками патриархально-родовых отношений и укрепившимися феодальными порядками. Внутренний смысл отдельных исторических событий был, возможно, в некоторой степени связан именно с противоречиями, возникавшими между феодальной формой собственности, феодальными формами эксплуатации и проявлениями общинных связей, родовой солидарности и идеологии патриархального общества.

Если В. И. Ленин установил наличие нескольких укладов в государстве и их переплетение, то с тем же основанием, как нам кажется, мы можем допустить возможность тесного сосуществования и взаимопроникновения (но также и борьбы) нескольких укладов и в одном обществе, прошедшем сложный путь развития, в обществе, в котором процесс имманентного (и сравнительно медленного) развития общественных отношений классового типа сочетался с влияниями соседних государственных феодальных образований. А именно такими и являются кочевые общества Средней Азии и соседних стран.

Таким образом, введенное в науку И. В. Сталиным понятие «патриархально-феодальные отношения» мы раскрываем как диалектическое взаимопроникновение и взаимоотталкивание двух укладов: находящегося в стадии угасания патриархально-родового уклада и прочно господствующего феодального уклада. Для периода конца XIX и особенно начала XX века мы можем говорить также о зарождении еще одного уклада, правда еще не успевшего внести глубоких изменений в структуру патриархально-феодальных отношений, — уклада капиталистического. Но характерными и определяющими оставались два первых уклада, составлявшие неразрывное единство.

Не следует поэтому думать, что употребленные И. В. Сталиным выражения «патриархально-родовой быт», «полупатриархальный-полуфеодальный быт», «родовой быт» якобы не имеют прямого отношения к характеристике структуры общества. Л. П. Потапов, в целом вполне правильно определивший значение сталинской формулировки «патриархально-феодальные отношения», рассматривает приведенные выше замечания И. В. Сталина о «быте» в некотором отрыве от содержания самой формулировки, хотя и привлекает их для обоснования стадийного характера определения И. В. Сталина¹. Трудно, искусственно отделить «быт» от всей суммы социально-экономических явлений, составляющих структуру

¹ Л. П. П о т а п о в. Очерки по истории алтайцев, стр. 336.

общества. Соглашаясь с тем, что в понятие «быт» включается обычно прежде всего материальный (так называемый внешний) быт (жилище, одежда, утварь и т. п.), семейные отношения и др., нельзя не считаться с тем, что это понятие обнимает и повседневный экономический быт, и имущественные отношения, и их юридическое закрепление в нормах обычного права, и другие идеологические представления. Следовательно, нет оснований сомневаться в том, что понятие «быт» неразрывно связано со всем социальным строем общества.

Поскольку И. В. Сталин прибегнул к такому широкому термину, как «быт», связав его прежде всего с понятием «патриархально-родовой» (или «родовой»), т. е. с одним из членов своей двучленной формулы «патриархально-феодальные отношения», постольку из этого со всей очевидностью следует логический вывод о том, что реально существовавший и констатируемый И. В. Сталиным «патриархально-родовой быт», который мы находим в недалеком прошлом у некоторых народов Средней Азии, Кавказа, Сибири и т. д., и был тем патриархально-родовым укладом, о котором мы и говорили выше.

Было бы далеким от истины допущение, что патриархально-родовой быт существовал сам по себе, совершенно не затрагивая область экономики, производственных отношений, а патриархально-феодальные отношения (сводимые обычно к формам собственности, к способам эксплуатации, к имущественным отношениям) развивались сами по себе. Конечно, этот быт и эти отношения были теснейшим образом связаны друг с другом, и хотя определяющим, решающим фактором развития был феодальный способ производства, осложненный остатками патриархально-родовых отношений, последние и сами по себе играли существенную роль и оказывали большее или меньшее влияние на ход общественной жизни, вовсе не сводясь только к «форме» или к фактору, вносящему «своеобразие». Поэтому недооценка этой очень важной стороны всего общественного строя кочевников, подчеркнутой И. В. Сталиным, явилась бы ничем не обоснованной попыткой «снять» реальное слагаемое того целого, чем являются «патриархально-феодальные отношения».

Означают ли приведенные выше рассуждения, что патриархально-родовые формы быта не играли роли того покрова, который окутывал сложившиеся классовые отношения? Конечно, нет. Если брать явление в широкой перспективе, то в целом утверждение об использовании родоплеменной организации в качестве внешней оболочки, «выступавшей на этом этапе как орудие идеологического и политического воздействия господствующего класса на массу членов родов»,¹ абсолютно правильно. Тем не менее к этому правильному утверждению необходимо сделать весьма существенное замечание. По отношению к более мелким «родовым» подразделениям, а именно — к семейно-родственным группам, о которых мы скажем ниже, эта родоплеменная организация выступала уже не только в качестве «оболочки», но представляла собою комплекс живых и активно действовавших явлений патриархально-родового быта. В этих мелких «родовых» подразделениях кровнородственные связи и патриархально-родовые традиции тесно переплетались и уживались (отнюдь не всегда мирно) с классовыми противоречиями и развитыми формами эксплуатации. Последние являлись «сердцевиной», стержнем жизни этих мельчайших общественных ячеек. Господствующие

¹ С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен, стр. 5. (*Курсив наш.* — С. А.)

классы пытались приспособить к ним все проявления родовой солидарности, родовые обычаи и порядки и соответственно часто видоизменяли их формы и даже содержание, не будучи в состоянии их уничтожить. В этих клеточках общества названные патриархальные связи и традиции продолжали действовать, не заменившись вполне отношениями соседскими, территориальными. Именно в этих семейно-родственных группах, «низших» клеточках общества, и были наиболее реальными полупатриархальные-полуфеодальные отношения, причем как те, так и другие, олицетворяли собой характеризованные выше два общественных уклада.

Наши столь подробно изложенные доводы могли бы звучать чисто академически, если бы с действительной, глубоко вредной ролью рассмотренных выше явлений старого патриархально-родового быта мы не сталкивались на различных этапах развития советского общества. В сознании некоторой части колхозников среднеазиатских республик и Казахстана еще не преодолены полностью пережитки патриархально-феодальных отношений, уживающиеся с отдельными пережитками капитализма. Правильно раскрыть формы и содержание патриархально-родовых и племенных пережитков в прошлом и причины частичного сохранения их в настоящем — значит способствовать их скорейшему изжитию.

III

«ОТКРЫТИЯ» АМЕРИКАНСКОГО ЭТНОГРАФА

Изложив основные положения нашей концепции о сущности и формах родоплеменной организации у кочевников Средней Азии, мы не можем не коснуться работы американского этнографа А. Хадсона, в которой автор поставил своей задачей исследовать социальную структуру казахского общества¹. Он не только использовал довольно обширную литературу, в том числе и на русском языке, но и посетил в 1936 г. СССР, где, по его словам, с июля по октябрь провел «полевую работу» среди казахов.

Прочитав многообещающее предисловие автора (не лишенное антисоветских выпадов), читатель тщетно стал бы искать в самой книге, специально посвященной социальному строю одного из крупных советских народов, каких-либо серьезных теоретических обобщений и выводов, нового освещения уже накопленных русской и советской наукой фактов, хотя бы свежего оригинального фактического материала, добытого самим «исследователем» во время его «полевой работы». К стати сказать, последняя свелась к беседам с двумя казахами, об одном из которых, студенте Алма-атинского педагогического института, Хадсон делает оговорку, что «он, как и следовало ожидать», оценивал старую казахскую жизнь с точки зрения марксистской философии, «в которой он был образован». Это обстоятельство вызвало явное раздражение со стороны Хадсона, который, вполне естественно, абсолютно игнорирует труды не только классиков марксизма-ленинизма, имеющие прямое отношение к рассматриваемым им проблемам, но и ряд важных работ советских ученых, в которых при анализе социальных отношений казахов и других в прошлом кочевых народов была применена марксистско-ленинская методология.

Как было сказано выше, читателя книги А. Хадсона постигает горькое разочарование. Эта книга представляет собою характерный пример

¹ А. Е. Hudson. Kazak social structure. «Yale university publications in anthropology», № 20. New Haven, 1938.

«труда» буржуазного ученого, неспособного выпутаться из противоречий, возникающих перед ним при пользовании разнообразными источниками и при отсутствии у него подлинно научного метода исторического исследования. Книга, за исключением ссылок в некоторых местах на своих собственных «информаторов», носит компилятивный характер. При этом, как правило, автор идет всецело на поводу у своих источников, проявляя к тому же полную беспомощность в пользовании ими.

Не имея возможности останавливаться на многочисленных ошибочных положениях автора книги, укажем лишь на наиболее существенные из них.

Основной порок книги заключается в том, что вся она построена на глубоко ошибочном антиисторическом взгляде на казахское общество, как на общество, всецело повторяющее путь развития, пройденный монголами в XIII веке. Казахи, по Хадсону, — всего-навсего одна из политических группировок, возникших после распада монгольского государства. Стремясь найти как можно больше подтверждений своим домыслам, автор вводит в книгу большой раздел, составляющий около четвертой части всей работы, в котором он излагает «развитие монгольской социальной организации». Обосновывая этот методический «прием», Хадсон прямо указывает, что он делает это, чтобы прежде всего показать формы социальной структуры казахского общества, которые «прямо могут быть обязаны влиянию монголов», а вместе с тем формы, представляющие «более старый и более широкий слой», в котором (далее приводится заумная цитата из «труда» редактора книги Лесли Спайера) «эффект уравнивания был результатом длительного процесса скрещивания и влияния».

Отказывая казахскому народу в самостоятельном пути исторического развития и целиком объясняя происхождение его социальных институтов влиянием монгольских, Хадсон оказался не в состоянии разобраться и в существе рассматриваемых им явлений. Пытаясь, в частности, понять природу и функции различных социальных группировок у казахов, Хадсон пробует опереться на соответствующую терминологию, но, будучи не в силах справиться с этой задачей, решает отбросить мысль о возможности существования других терминов и безоговорочно принимает утверждения своих информаторов о том, что для обозначения племени, рода и их подразделений казахи употребляли только один термин «уру». «Уру» Хадсон раскрывает как группу родственников, находящихся в родстве по мужской линии, применяя термин вслед за своими информаторами и к сравнительно небольшой группе, и к группе в тысячи семей, которые, по его словам, «могут в действительности быть связаны очень отдаленно или из уважения к традиции» (!). Каждое из двух подразделений Старшего жуза Хадсон считает «племенем», но в каком-то, одному ему известном, «узком генеалогическом смысле», не включающем в себя политических или географических понятий. Сделав эти «открытия», Хадсон делает потуги на «оригинальное» решение проблемы таинственного «уру». Это решение сводится к схоластическому рассмотрению «уру» в функциональном значении и в чисто генеалогическом смысле. По Хадсону, «уру» — это, с одной стороны, группа, тесно связанная, живущая вместе, экономический и политический союз под предводительством своего собственного вождя; с другой стороны (в чисто «генеалогическом смысле»), это — любое число групп, берущих начало от общего, отдаленного предка. В другом месте Хадсон начинает сложные формалистские манипуляции с генеалогическими схемами, скатываясь к признанию их реального значения, утверждая также, что подразделения племени воевали со своими «праотцовскими племенами» (!!).

Безнадежно запутавшись в этом вопросе, автор оказывается не в лучшем положении и тогда, когда он переходит к выяснению «функциональных аспектов» казахских социальных групп. Оказывается, что понятие «аул» может относиться к любой группе (в смысле «уру») и означает также «любой род лагеря». Вряд ли стоит говорить о нелепости этих утверждений.

Подробно рассматривая эти «функциональные аспекты» в главе «Казахские социальные группы в их отношении к экономической жизни», Хадсон полностью раскрывает свою идеологию типичного буржуазного ученого, для которого существовавшие в казахском обществе классовые порядки — извечная категория, а частная собственность и экономическое неравенство между людьми — явления, обязательные для человеческого общежития. Автор даже не допускает такого общественного устройства, хотя бы и в отдаленном прошлом, когда «родственная группа была интегрированной единицей, в которой различия между богатыми и бедными не были господствующими». Таким образом, по Хадсону, различия между богатыми и бедными существовали всегда и эти различия лежат в основе солидарности родственной группы!

Не ограничиваясь этим «открытием», Хадсон делает вид, что он хорошо разбирается и в экономических причинах дробления крупных общин и появления новых групп. В чем же он видит главную причину? В необходимости поисков пастбищ ввиду их недостатка. Это вульгарное и примитивное представление, в котором отсутствует даже намек на подлинные причины сложных процессов, происходивших в казахском обществе и вызванных ростом классовых противоречий, и все его другие рассуждения на эту тему показывают, что узоист буржуазного мышления Хадсона не дает ему возможности постигнуть или хотя бы отдаленно понять законы, действующие в классовом обществе. Отсюда и такие нелепые определения как «патриархальный феодализм», «патриархально-феодалное родство» и др.

Относясь некритически ко многим сообщениям своих информаторов, Хадсон неожиданно для себя узнает, что «за пределами семи отцов будет уже другой род («уру»)». «Это,— глубокомысленно пишет Хадсон,— конечно, вскрывает новое строение «уру», математически предназначенное для целей экзогамии, как включающее все элементы, связанные в течение семи поколений по мужской линии». Ничего не поняв в родоплеменной организации казахов, механически перенеся в казахское общество первобытные формы экзогамии, Хадсон делает новое «открытие», утверждая, что у казахов наряду с обычным «родом» был еще какой-то особый «экзогамный род», якобы не совпадавший с «уру» (последний сам Хадсон тоже рассматривает как род). Идя дальше по этому пути, незадачливый исследователь измышляет конфликт, который якобы существовал между «поколенной» и групповой (в смысле «уру») экзогамией. Однако истолковывать этот «конфликт» он не в состоянии и прямо от этого отказывается. При этом Хадсон в свое оправдание указывает, что информация по терминологии родства, которая могла бы, по его мнению, пролить свет на эти вопросы, «противоречива и неполна». Свое собственное незнание фактов Хадсон пытается приписать русской и советской науке, которая располагает необходимыми данными для решения всей этой проблемы. Что касается «конфликта», который Хадсон изобрел для придания большей «учености» своему труду, то его уже потому не могло существовать, что в тот период, который рассматривает Хадсон, не существовало уже самого рода в том понимании, какое вкладывает в него Хадсон.

Мы привели только отдельные примеры тех «открытий», которые Хадсон делает в своей книге, но и их вполне достаточно для того, чтобы

сказать, что напечатанная Иельским университетом книга Хадсона не только не продвинула вперед разработку истории социального строя казахов, но, наоборот, безнадежно запутала весь этот вопрос, чем принесла только вред делу, дезориентировав зарубежных читателей и дав им в руки недоброкачественный, никуда не годный материал по истории и этнографии одного из крупнейших советских народов.

IV

СЕМЕЙНО-РОДСТВЕННАЯ ГРУППА — ПОСЛЕДНЯЯ «ЖИВАЯ» ФОРМА РОДОПЛЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Теперь мы должны проанализировать реальные отношения, складывавшиеся в среде кочевников Средней Азии, и посмотреть, не сохранилось ли каких-нибудь остаточных форм родоплеменной организации, которые в силу тех или иных причин продолжали существовать, хотя и в видоизмененном состоянии.

Имеющиеся материалы свидетельствуют, что в действительности существовали некоторые формы объединения кочевников, в основе которых лежали принципы известной общности экономической жизни, тесно переплетавшейся с разными степенями родственных отношений.

Мы исходим из того, что еще в не столь отдаленном прошлом у кочевников существовали большие патриархальные семьи. Последние остатки таких семей, весьма близко напоминавших патриархальные семейные общины у других народов, сохранялись еще кое-где до начала XX века. Однако процесс распада таких общин, начавшийся, повидимому, уже очень давно, не привел к, казалось бы, естественному результату. Патриархальные семьи, претерпев в силу непрерывного усиления экономической дифференциации и роста частнособственнических начал глубокие преобразования, не превратились в группы хозяйственно обособленных, хотя и родственных семей. На смену старой патриархальной семье или группе патриархальных семей пришла новая форма организации, создавшаяся новая общность. Эта новая общность, размеры которой были по вполне понятным причинам различны, при прочно установившейся индивидуальной собственности на скот, на пахотные (а часто и на сенокосные) угодья сохраняла в действии принцип коллективного пользования пастбищами, с элементами коллективной организации выпаса скота. Необходимо вместе с тем заметить, что во многих таких общностях весьма важным цементирующим началом являлось объединение группы семей вокруг одного или нескольких богатых хозяйств, использовавших различные формы зависимости для эксплуатации своих родственников разных степеней родства.

Мы считаем незыблемым то положение, что основной экономической единицей в условиях патриархально-феодального строя на более ранних его этапах являлась большая патриархальная семья, позднее — малая, индивидуальная семья, продолжающая, однако, сохранять много черт своей предшественницы.

Но наряду с малой семьей появилось более широкое социальное объединение, имевшее определенные признаки экономического и территориального единства; в поддержании этого единства немаловажное значение имели продолжавшие сохраняться отношения родства. В подавляющем своем большинстве эти объединения представляли собой семейно-родственные группы, состоявшие из семей, находившихся в той или иной сте-

пени родства и связанных сознанием происхождения от одного, как правило, не столь отдаленного реального предка. Не случайно каждая такая группа называла себя «детьми одного отца» (у казахов — «ата-баласы», у киргизов — «бир атанын балдары», у туркменов — «бир ата»). Нельзя думать, что речь шла действительно о родных братьях, имевших общего отца. Здесь «ата» следует понимать в значении ближайшего предка. Это мог быть и дед, и прадед, а иногда даже и прапрадед. Таким образом, эта группа включала в себя некоторое число семей разных поколений, главы которых являлись прямыми потомками определенного лица — «отца», считавшегося их общим предком.

Совершенно очевидно, что если в недавнем прошлом такая группа объединяла в большинстве случаев малые, индивидуальные семьи, то в более отдаленном прошлом по такому же принципу объединялись родственные большие патриархальные семьи. Однако у нас нет пока данных судить о том, было ли образование таких групп следствием сегментации больших семей, как это установил для многих народов М. О. Косвен¹. Наши сведения пока недостаточны, но они говорят о том, что здесь, возможно, имел место более простой процесс деления, в основе которого лежало «почкование» больших семей путем выделения из них семей малых, которые, словно почки, могли давать начало новым большим патриархальным семьям и т. д. Такая группа родственных семей весьма напоминает описанную М. О. Косвеном «патронимию»². Но понятие патронимии не дает вполне отчетливых границ того круга родственников, которые объединяются этой группой. Это понятие носит несколько расплывчатый характер (группа больше семьи и меньше рода). Возникает необходимость в установлении более отчетливого определения действительно реально существовавшей группы родственников, ведших свое происхождение по мужской линии от общего для нее предка. Это была группа живых потомков одного лица, живших иногда даже территориально разобщенно, но связанных определенными степенями родственных отношений, имеющих некоторые общие права и обязанности. Это всегда были «дети одного отца», строго определенная группа родственных семей.

Имеющиеся источники дают следующие показания о численном составе таких групп: в Нарынском районе Киргизии (по административному делению 1927 г.) из общего числа 762 кочевых групп, которые мы рассматриваем в подавляющем большинстве и как родственные группы, около 25% групп состояло из 2—5 семей, 37% — из 6—9 семей и 27% — из 10—15 семей³; весьма близкие данные имеются по Западному Казахстану: большинство пастушеских аулов (из общего числа 21) состояло из 5—10 семей (12 аулов) и 11—15 семей (4 аула)⁴. Мы имеем возможность описать такую группу потомков Байкозу у киргизов. В состав этой группы входили: один сын Байкозу — Молтыр (70 лет), пять внуков Байкозу и шесть его правнуков — все женатые (см. генеалогическую схему). В настоящее время семьи, входившие в эту группу, проживают недалеко друг от друга в небольшом селении Чонг-таалга и входят вместе с другими жителями этого селения в одну бригаду колхоза «Кызыл Октябрь».

¹ М. О. Косвен. Семейная община (Опыт исторической характеристики). «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 11, 17.

² М. О. Косвен. Очерки по этнографии Кавказа. «Советская этнография», 1946, № 2, стр. 119.

³ «Народное хозяйство Средней Азии», 1928, № 7/8, стр. 88.

⁴ Сборник «Казаки». Материалы Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик, вып. 3, стр. 82.

В прошлом, при полукочевом образе жизни, родственные семьи, входившие в эту группу, жили и кочевали одним аилом или несколькими аилами, поблизости один от другого. Зимой все родственные семьи нанимали постоянного пастуха для овец или лошадей. Летом соединяли скот (по видам скота) вместе, а пастухов на каждый день по очереди из каждой семьи назначал признанный всеми старший в группе (аксакал). Он же

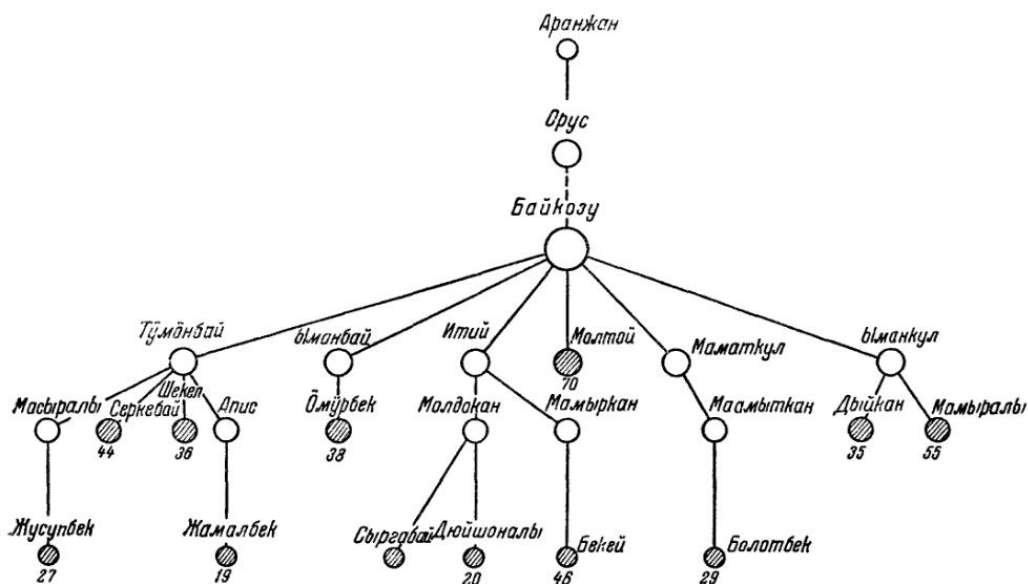

Рис. 1. Схема родственной группы поколения Байкозу — «Байкозунун балдары» («дети Байкозу»). Колхоз «Кызыл-Октябрь» Сарыкамышского сельсовета, Джумгалского района, Тяньшанской обл., Киргизской ССР.

Заштрихованные кружки обозначают живых членов группы; незаштрихованные — умерших; цифры под кружков обозначают возраст.

назначал и день выхода на весенние пастбища. У каждой семьи была отдельная метка на скоте (на ухе), а тамга (тавро) была общей не только для этой группы, но и для более широкого объединения — Боркемик. Во время хозяйственных работ в полеводстве (посев, молотба) члены группы оказывали помощь друг другу; стремились также помочь, чем могли, строящему дом члену группы. При устройстве семейных праздников («той») и поминок («аш»), а также в случае женитьбы советовались со старшими в группе, а затем оказывали и материальную помощь устройтею праздника или отцу жениха (невесты). Тем семьям, у которых было мало овец, остальные помогали шерстью.

Жена аксакала управляла женскими хозяйственными работами в аиле, требующими применения коллективного труда (изготовление войлоков, арканов, чевых цыновок, тканых полос для юрты и т. п.).

Если члены группы жили между собой дружно, то кумыс, например, приготавливали в одной юрте, куда из остальных семей сносили молоко. Утром кумыс пили все вместе; кто-нибудь сзывал всех: «келгиле, кымыз ичкиле!» (приходите, пейте кумыс!). Днем каждый пил кумыс, когда хотел. Овец пикоз в каждом хозяйстве доили отдельно. Когда изготовляли «эжигей» (особый сорт твороговидного сыра из подвергнувшегося длительному кипячению овечьего молока), соединялись в небольшие группы по несколько семей.

В прошлом в одну семью, по рассказу Молтоя Байкозуева, входило не более 11—12 человек. Когда женили сына (женили в порядке старшинства), его отделяли не сразу, а через 2—3 года, после чего женили следующего. Дом отца, достававшийся младшему сыну, назывался «чонг-уй» — большой дом; отделяющиеся сыновья жили рядом с этим домом. Выделенные сыновья, жившие рядом с отцом, в течение 2—3 лет питались из общего котла у отца; этот порядок и носил название «чонг-казан», т. е. большой котел. Существовали специальные большие котлы, диаметром в 9 «карыш» (150—170 см), емкостью на четвертую часть туши кобылы или на целого крупного барана, употреблявшиеся в таких семьях.

Описанная родственная группа при встрече нового года (ноорус) приготавлила общее блюдо — мясную кашу (кочё), а из ячменя, пшеницы или проса — так называемое кудап; над огнем горящей арчи вытряхивали старую одежду.

Таковы эти семейно-родственные группы, которые были характерны, по имеющимся данным, не только для киргизов, но и для казахов. Они были подробно описаны для последних В. Г. Соколовским¹ под названием «аулов-кстау». Несмотря на ряд ошибок этого автора, вскрытая им структура мельчайших родственных объединений дает возможность судить о содержании патриархально-феодальных отношений, существовавших в недавнем прошлом у казахов.

Если мы после всего этого попытаемся разобраться в том, в каких границах и в чем проявлялись в некоторых случаях патриархально-феодальные пережитки в последнее время, то увидим, что они проявлялись главным образом не в пределах широкого «родового» объединения (что имело еще место в ходе классовой борьбы, в доколхозный период), а в пределах сравнительно небольших семейно-родственных групп или во взаимоотношениях между последними.

Задачей нашей науки является серьезное исследование этих пережитков и помощь советским и общественным организациям в борьбе за ликвидацию этих пережитков, за укрепление коммунистической идеологии.

Резюмируя все сказанное выше, нашу концепцию можно изложить следующим образом:

1. Родоплеменная организация у кочевников Средней Азии не выступала перед нами во всех случаях в качестве реальной общественной структуры; чаще всего она представляла собой идеальную схему. Это не исключало сохранения определенного значения родственных связей, а также и некоторых сторон общности экономической жизни более крупных коллективов, которые, однако, никак нельзя было уподоблять родам. Решающее значение во всех этих объединениях кочевников, начиная с более крупных, типа племени, и кончая так называемыми «родами», включавшими в себя во многих случаях тысячи людей (а иногда и семей), играл классово-политический момент.

2. Однако в наиболее мелких «родовых» подразделениях, чаще всего представленных в виде больших или меньших по размерам семейно-родственных групп, патриархально-родовые традиции облекались в действительную, реальную форму; здесь в гораздо более значительной степени проявлялось кровнородственное начало, элементы производственной кооперации (при сохранении частной собственности малых семей), отдельные черты потребительской общности, внутригрупповой солидарности и т. п.; тем не менее все это своеобразно переплеталось со все усиливавшимся

¹ В. Г. Соколовский. Указ. работа.

имущественным неравенством, достигшим в конце концов степени глубокой классовой дифференциации.

Таким образом, и эта последняя, реально существовавшая форма родоплеменной организации шла по пути своего неминуемого разложения. Но этот процесс так и не успел закончиться к началу коллективизации. Только объединение трудящихся Средней Азии в колхозы нанесло решающий удар по всем пережиткам родоплеменной организации и окончательно подорвало значение вышеописанных патриархальных связей и отношений семейно-родственных групп.